

УДК 347.1

Меньшиков Данил Евгеньевич (danilmeshikov1313@gmail.com)

Студент Факультета права

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

Danil Y. Menshikov

National Research University

Higher School of Economics

Faculty of Law, Student

Научный руководитель:

Кошечева Елена Сергеевна

Доцент кафедры гражданского права и процесса

Волго-Вятского института (филиала) ФГБОУВО

«Московский государственный юридический университет

имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кандидат юридических наук

Academic supervisor:

Elena S. Koshcheeva

Assistant professor of Civil Law and Procedure department

Volga-Vyatka Branch of Kutafin Moscow State Law University

Candidate of Juridical Sciences

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА КАК ОБЪЕКТЫ

ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

PROPERTY RIGHTS AS OBJECTS OF CIVIL LAW RIGHTS

Аннотация: Статья посвящена исследованию правовой природы имущественных прав как объектов гражданских правоотношений. Проводится исследование характеристик объектов гражданских прав для более полного

анализа конкретного объекта и видов данного объекта в конкретных правоотношениях – вещных, обязательственных, исключительных. Рассматриваются такие вопросы как конструкция «право на право», деление правоотношений на вещные и обязательственные.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, гражданское правоотношение, вещное право, обязательственное право, исключительное право, конструкция «право на право».

Abstract: The article is devoted to the study of the legal nature of property rights as objects of private law relations. The article examines properties of private law objects for a proper analysis of a particular object and the types of the object in specific legal relations, such as property, obligations, exclusive rights. Such issues as the construction of the “right to right”, the division of legal relations into property and obligations.

Key words: objects of private law, private law relationship, property law, law of obligations, exclusive rights, construction “right to law”.

Ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) относит к объектам гражданского права такой объект как имущественные права, легального определения которому законодателем не было предложено ни в указанной статье, ни в каких-либо иных нормах. В связи с этим многие ученые в области гражданского права анализировали данную проблему через призму разных подходов и, соответственно, приходили к различным теоретическим разработкам в данной области. Однако данных разработок все еще недостаточно для нормальной организации гражданского оборота. Вызвано это в том числе советским прошлым, в котором, как считается, оказалась парализованной экономическая деятельность, направленная на пользование имущественными правами как отдельными объектами.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Вопрос о таком объекте гражданского права как имущественное право невозможно рассматривать без определения более общего понятия – объект гражданских прав, через характеристики которого можно увидеть и основные особенности рассматриваемого объекта.

Существует множество мнений и теорий о природе и сущности объектов гражданских прав. Такое разнообразие неудивительно. Определение понятия, представляющего собой некую «базу» гражданских правоотношений, без которой их сложно представить, разнится и зависит от существующего правопорядка и теоретической модели, в которой существует автор (да и само понимание права, по мысли М. М. Агаркова, зависит от условий хозяйствования и психологии той или иной эпохи [1, с. 39]). Некоторые авторы и вовсе отрицают, что объект права входит в структуру правоотношений, и выносят его «за скобки». Например, Р. О. Халфина признает значение объекта правоотношений исключительно для целей его возникновения и развития, но в саму структуру правоотношения, по ее мнению, объект входить не может [2, с. 145], а основным элементом правоотношений Халфина признает реальное поведение его участников. М. М. Агарков также отрицает объект гражданского права в качестве необходимого элемента правоотношения [3, с. 54].

Можно выделить специально-юридическую концепцию объекта, в рамках которой объект – это то, по поводу чего возникает правоотношение, и общефилософскую концепцию, в которой объект – это то, на что направлено правоотношение [4, с. 10]. Однако принципиальной разницы данные теории не имеют, в том числе по причине существования в рамках и общефилософской, и специально-юридической концепции плюралистических и монистических теорий. Например, О. С. Иоффе, который определял объект правоотношений как то, на что направлено содержание правоотношения, относится к представителям монистической теории. В то же время, Ю. К. Толстой, придерживаясь той же концепции, считается представителем плюралистической теории. Поэтому необходимо остановиться на рассмотрении именно двух указанных теорий объектов прав – монистической

и плюралистической, которые зачастую выделяются в большинстве учебных пособий (хотя существуют и иные теории, например, психологическая теория объекта Л. И. Петражицкого [4, с. 11]).

Монистический подход. В рамках данного направления объектом гражданского права представляется только какая-то одна категория, т. е. существует определенное единство объекта гражданского оборота. Безусловно, монистическая теория облегчает понимание объекта гражданских прав. На вопрос о том, что является этим объектом, ответы расходятся.

Одни авторы признают исключительно действия субъектов в качестве объекта данных правоотношений, другие же рассматривают в качестве объектов исключительно вещи [4, с. 11]. Стоит сразу же отвергнуть последнее понимание объекта гражданских прав: уровень экономических отношений, сложившийся в настоящее время, не позволяет вести речь о том, что единственная цель участников гражданского оборота – вещи. В рамках обязательственных правоотношений и тем более правоотношений в сфере результатов интеллектуальной деятельности, объектом, безусловно, может выступать не только вещь [5, с. 21]. Данная теория имеет право на существование, если авторы по аналогии с римским правом понятие «вещь» рассматривают не только как физические и осязаемые блага, но и включают в него «бестелесные» вещи [6, с. 128]. Однако авторы данной работы отрицательно относятся к такому варианту определения понятия «вещь» и признают, что подобный вариант мог существовать до реформы гражданского законодательства, когда в данное понятие, согласно ст. 128 ГК РФ, включались, например, бездокументарные ценные бумаги. Учитывая, что законодатель исправил данную ошибку, в настоящее время определять вещи не как физические осязаемые вещи некорректно.

Позицию понимания объекта как действий субъектов отстаивал О. С. Иоффе, утверждавший, что объект права должен быть подвержен воздействию в рамках правоотношений сторонами [3, с. 109]. В частности, он писал:

«Субъективные права и юридические обязанности направлены на обеспечение определенного поведения... только человеческое поведение способно к реагированию на воздействие, оказываемое субъективным правом и правовой обязанностью» [3, с. 115]. Соответственно, объектом может быть признано только поведение обязанных лиц.

Но помимо двух указанных выше направлений, существует и другое – теория объекта двух родов. В поздних работах, в ответ на критику его теории, О. С. Иоффе переосмысливает свою концепцию и начинает выделять два объекта – юридический (поведение обязанных лиц) и материальный (вещи), на который можно воздействовать только через действия его участников [7, с. 218]. Позднее данная позиция была доработана М. И. Брагинским и В. В. Витрянским, которые разделяли объект первого рода – действия и объект второго рода (товар, работу, услугу) [8, с. 224]. Такой подход признается указанными авторами хоть и не лишенным изъянов, но применимым в гражданском обороте. Однако он может быть взят «на вооружение» только при условии, если материальный объект включает в себя не только материальные блага, но и не материальные, что, как было отмечено ранее, не совсем корректно. Терминологически верной будет конструкция выделения непосредственного (ближайшего) и опосредованного объектов, которые соответствуют вышеизложенной теории [9, с. 319].

Плюралистический подход. Исходя из названия подхода, можно увидеть, что авторы данного направления признают объектом гражданского права несколько категорий. Исторически первым, кто выделил плюралистическую модель, был Г. Ф. Пухта, который рассматривал следующие объекты права: собственная личность, вещи, действия, сторонняя личность, личность, перешедшая в другую личность [10, с. 199–202].

Д. И. Мейер в лекциях говорил (можно отметить, что он первым в российской цивилистике употребил понятие «объект правоотношений» [11, с. 158]) о двух объектах гражданских прав – вещи (право собственности)

и действия (обязательственные правоотношения), в совокупности образующие имущество, которое и признается, по его мнению, объектом гражданского права. Встречаются и более радикальные теории, признающие в качестве объекта гражданских прав и самого человека [11, с. 206].

По сути, все плюралистические теории можно сгруппировать в две большие группы:

1) Признание в качестве объектов всевозможных благ, которые соответствуют видам гражданских прав (вещи, действия, нематериальные блага и т. д.).

2) Признание в качестве объектов либо вещи, либо действия.

Вторая группа похожа на одну из монистических теорий, где выделяются следующие объекты – юридический и материальный. Однако они имеют принципиальное отличие: в плюралистической теории каждой группе отношений соответствует определенный объект (вещь или действие). В монистической же теории в каждой группе отношений выделяется сначала юридический объект, а затем материальный.

Другой достаточно часто встречающийся в научных работах вопрос – о соотношении понятий «объект гражданских прав» и «объект гражданских правоотношений». Исходя из представленного выше обзора (а именно в связи с употреблением различных терминов) следует, что авторы данной работы исходят если не из равенства, то хотя бы из тесного сходства данных понятий. Как указывает Е. А. Суханов, гражданские права всегда корреспондируют гражданские обязанности, а именно совокупность гражданских прав и обязанностей и составляет гражданское правоотношение [12, с. 297]. Подобное рассуждения в своих работах приводит и О. С. Иоффе, который указывает, что действия обязанных лиц являются объектом как субъективных гражданских прав, так и правовых обязанностей, а т. к. именно совокупность прав и обязанностей является содержанием гражданских правоотношений, то правоотношение не может иметь иной объект, кроме как тот, который есть у его содержания [13, с. 590–591].

Также в литературе можно встретить употребление понятий «объект гражданского права», «предмет гражданско-правового регулирования». Ю. К. Толстой считает излишним усложнением разделять данные понятия и придает им одно значение [14, с. 52]. Видится, что данные понятия все-таки требуют определенного соотношения.

Для понимания вышеуказанных понятий необходимо отграничивать объекты объективного права – те отношения, которые регулирует та или иная отрасль, и объекты субъективного права, представляющие собой объекты правоотношений [15, с. 6]. Стоит заметить, что данные явления соотносятся друг с другом на основе принципа единства противоположностей: объект права и объект правоотношения отличны друг от друга, однако необходимо видеть определенную преемственность в их сущности, ведь объект правоотношений не может не унаследовать свойства объекта права.

Исходя из ст. 128 ГК РФ, можно сказать, что законодатель, восприняв плюралистическую концепцию, закладывает следующие объекты: вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Подобный перечень объектов гражданских прав можно обнаружить и в других правовых системах. Например, Гражданский кодекс Литвы 2000 г. впервые ввел нормы, напрямую касающиеся объектов гражданских правоотношений, и установил практически идентичный перечень объектов (отличием является сохранение за информацией статуса объекта гражданских прав). В Германии же к объектам гражданских прав (Rechtsobjekte) относятся вещи (Sachen), права (Rechte), совокупность прав и вещей (Sach-und Rechtsgesamtheiten), нематериальные блага (immaterielle Güten), животные [16, с. 144].

Обозначенный нами в теме работы объект права, согласно ст. 128 ГК РФ, рассматривается законодателем как вид другого объекта гражданских прав – имущества. Такое словосочетание как «имущественные права» встречаются в Гражданском кодексе 14 раз в первой части, а если учитывать виды имущественных прав, то количество упоминаний увеличивается до 33 раз. Однако какого-то либо определения имущественным правам законодателем не было дано.

Отправным понятием является «имущество», определение которого также не было дано законодателем. Классические учебники гражданского права дают ему следующее определение: «Имущество – это совокупность принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей» [12, с. 301].

Однако сам Кодекс не вкладывает в это понятие единого определения, ведь оно используется, например, в Разделе II («Право собственности и другие вещные права»), в котором под имуществом понимаются только вещи (материальные объекты), ведь только в отношении них (по классической модели) могут действовать права собственности. В других разделах в него вкладываются и имущественные права (например, касающиеся обязательственного права). Можно сказать, что вещи занимают основную часть имущества, даже исторически исключительно вещи являлись составной частью имущества. В связи с этим многие авторы выделяют наряду с обычными вещами такое понятие как «бестелесные вещи», которое пришло к нам из Древнего Рима.

Термин «res» (вещь) имел несколько значений и являлся более широким, чем мы понимаем его сейчас. Интересна позиция, согласно которой под ним понимался всякий объект, который имеет ценность и им охватывались в принципе все объекты, которые на данный момент относятся к объектам гражданских прав. Также под res понималась и вещь (в нашем понимании), и имущество [6, с. 143].

Римляне имели достаточно разработанную классификацию *res*, в которой выделялись также вещи телесные и вещи бестелесные, которая сложилась к последнему времени существования республики. О них мы узнаем из Институций Гая: «физические вещи – это те, которые могут быть осязаемы», а «бестелесные – это те, которые не могут быть осязаемы... (наследство, обязательства)». Из буквального толкования данного фрагмента можно установить, что бестелесные вещи суть субъективные права, которые включаются в состав имущественных объектов. Римляне к таким правам относили права вещные (кроме права собственности, так как вещь и вещное право на вещь соединялись в единое целое), обязательственные, семейные, наследственные [6, с. 156].

В иностранных правопорядках также существуют воплощенные концепции имущественных прав. Например, в швейцарском Гражданском уложении бестелесные вещи рассматриваются как объекты права собственности. В германском Гражданском уложении в принципе, объектами гражданских прав могут быть только права. Например, имея в собственности компьютер, лицо не пользуется им, а распоряжается своими правами собственности. В странах англо-саксонской правовой системы существуют, помимо бестелесных вещей, так называемое «имущество в требованиях» (*choses in action*), к которым относятся требования из договоров, ценные бумаги, репутации и т. п. [17, с. 200].

ГК РФ понимает под имуществом вещи или права и вещи. Вторым случаем характерен, например, для обязательственного права, а для вещных правоотношений имущество тождественно категории «вещь». Таким образом, для понимания термина «имущество» необходимо определить суть рассматриваемых правоотношений. Например, А. Н. Лысенко называет «бестелесными вещами» газ и электроэнергию [18]. Это не представляется верным, ведь, по мнению Л. Эннексеруса, предмет признается вещью по воззрениям оборота, а не исходя из физических особенностей. Также

вводить в российскую доктрину по аналогии с *res incorporales* само понятие «бестелесных вещей» не представляется обоснованным. Существует понятие «имущественные права», которое признается самостоятельным объектом гражданских прав, что означает отсутствие необходимости в создании каких-либо искусственных конструкций.

Остро стоит вопрос о существовании права собственности на имущественные права. Стоит отметить, что большинство мнений по данному вопросу в русле отечественной цивилистики сводится к отрицанию данной юридической конструкции, впервые созданной в Германии. Хотя существование вещных прав на другие имущественные права прослеживается и в российском законодательстве. Например, в случаях, когда по ст. 132 ГК РФ в состав предприятия включено имущественное право, его собственники имеют вещное право на весь состав предприятия, в том числе и на указанные объекты.

Сторонником такой конструкции являлся, например, Р. Саватье, который писал: «По мере того как в юридической технике начали появляться абстрактные имущества, первоначальный смысл слова «право собственности» был в действительности расширен. Этим словом хотят продолжать обозначать совокупность наиболее полную и наиболее абсолютную всех прав, которые можно иметь в отношении вновь возникших бестелесных имуществ. Это полнота прав. Мы вынуждены говорить о праве собственности на права для того, чтобы указать на полноту прав, о которых идет речь» [19, с. 90].

Однако наиболее убедительной кажется позиция, отрицающая существование «права на право». Ю. С. Гамбаров считал, что когда речь идет о праве на право, ошибочно понимать передачу и иные действия, которые направлены на права. В данном имеется в виду право на объект. Например, когда речь идет о залоге на сервитут, стороны имеют дело не с правом на сервитут, а с правом на предмет сервитута [4, с. 18–19].

То есть то, что в отрыве от самого объекта право не может самостоятельно удовлетворять интересы участников оборота. Также возможна ситуация существования бесконечного ряда «право на право на право...», что совершенно неприемлемо, особенно в отношении самих вещных прав, в круг которых входит право собственности. Получится, например, что в актив юридического лица может быть передано право собственности на другое право собственности, что видится еще более абсурдным.

Далее необходимо выделить признаки имущественных прав.

Во-первых, они всегда принадлежат определенному лицу, без принадлежности прав кому-либо отпадает в принципе их необходимость – сложно представить себе право, которое никому не принадлежит. Этот признак характерен и присущ имуществу уже в силу его природы.

Во-вторых, имущественные права представляют собой средство реализации имущественного интереса. С помощью вещных прав обеспечивается сохранение какого-либо имущественного блага, с помощью обязательственного – его получение.

В-третьих, имущественные права можно отчуждать от одного лица другому, на что указывает ст. 129 ГК, касающаяся оборотоспособности объектов гражданских прав, в т. ч. и имущественных прав. По общему правилу личность кредитора является второстепенной, что означает возможность передачи прав и обязанностей (в отличии, например, от права римского, где обязательственные права было строго личным отношением). Можно сказать, что лица являются лишь представителями своих имуществ.

В-четвертых, имущественные права имеют определенную денежную оценку, они всегда представляют некоторую экономическую ценность, это основа экономических отношений. Любой имущественный объект может быть измерен универсальной мерой стоимости – деньгами. Еще Г. Ф. Шершеневич говорил: «С юридической точки зрения под имуществом понимается совокупность подлежащих денежной оценке юридических

отношений, в которых находится известное лицо» [20, с. 95]. Однако законодателем не совсем четко было выработано данное положение. Например, в ст. 221 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» вводится положение об имущественных правах, имеющих денежную оценку (как часть конкурсной массы крестьянского (фермерского) хозяйства).² При буквальном толковании нормы можно прийти к выводу, что существуют имущественные права, не имеющие денежной оценки, что не соответствует действительности.

Таким образом, мы определили внешние характеристики имущественных прав. Можно согласиться с А. С. Яковлевым, который определяет имущественное право как «субъективное гражданское право, принадлежащее субъекту гражданского права, выступающее средством реализации имущественного интереса, имеющее денежную оценку, приобретаемое на основании сделок и иных юридических фактов и обладающее признаком отчуждаемости» [5, с. 72]. Далее необходимо рассмотреть содержательную сторону имущественных прав и изучить конкретные виды – вещные, обязательственные, исключительные.

Вещные права

Необходимость понимания таких субъективных прав как вещные права находила у многих цивилистов в их работах различные решения.

Мы поддерживаем мнение Е. А. Суханова, который определяет вещное право как абсолютное субъективное гражданское право лица, предоставляющее ему возможность непосредственного господства над конкретной вещью и отстранения от нее всех других лиц, защищаемое специальными гражданско-правовыми исками [12, с. 349].

Стоит отметить, что законодателем не было обозначено определение вещных прав в ГК (что представляется более чем разумным), однако само отношение к вещным правам со стороны законодательного регулирования кажется «неполноценным». По сути, Раздел II Гражданского

² О несостоятельности (банкротстве): федер.закон от 26.10.2002 г. №127-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // Собр. законодательства Рос.Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

кодекса представляет собой регулирование такого вещного права как право собственности, а иные вещные права отходят на второй план, о чем говорит даже название данного раздела («Право собственности и другие вещные права»). Подобный подход можно обнаружить и у Г. Ф. Шершеневича, который точно также на первое место ставил право собственности, а права на чужую вещь считал придаточными [20, с. 201].

Концепция развития гражданского законодательства предлагает вариант решения данной проблемы с помощью выделения из всей совокупности вещных прав самостоятельных глав, которые регулировали бы владение, общие положения о вещных правах, право собственности и ограниченные вещные права.

К сожалению, на момент написания данной работы идея не реализована в жизнь, хотя помимо права собственности существует достаточно разнообразный пласт других вещных прав, характеризующихся одной группой признаков. Что же это за признаки?

1. Для начала необходимо определить, что вещные права всегда характеризуются тем, что складываются в отношении имущества. Вещное право в объективном смысле оформляет статику имущественных отношений, в сравнении, например, с обязательственным правом, которое определяет переход этого имущества. В данном случае также возникает вопрос о природе данного имущества: входят ли туда исключительно вещи, под которыми понимаются материальные и физически осязаемые объекты, или уместно говорить о вещном праве на нематериальные блага. Такая позиция обнаруживает себя в некоторых правовых порядках (в странах системы общего права, во Франции), что не рассматривается в качестве уместного положения, например, в ГГУ, где в §90 вещь определяется только как материальные или физические предметы [21, с. 71]. Некоторые авторы указывают, что российское гражданское право должно пользоваться собственной традицией и идти по пути отказа от вещных прав на нематериальные права.

2. Следующий признак вещных прав характеризуется тем, что объектом таких прав может служить индивидуально-определенная вещь – так называемый признак специальности, в соответствии с которыми объектами вещных прав не могут быть не только вещи, определяемые родовыми признаками, но и имущественные комплексы (совокупность разных вещей, которые подчинены одной цели) [12, с. 492]. Однако данный признак в теории также критикуется, т. к. в связи с развитием гражданско-правового оборота появляется необходимость вовлечения в вещные правоотношения и вещей, определенных родовыми признаками, на что также указывает и Концепция.

3. Также выделяется такой признак вещных прав как право следования (исходя из п. 3 ст. 216 ГК РФ), которое в силу данного положения можно определить как отсутствие оснований для прекращения иных вещных прав на данное имущество в случае перехода права собственности, а применительно к самому праву собственности означает, что последнее следует за вещью, и собственник в любом случае может истребовать данное имущество, где бы или у кого бы оно не находилось, хотя некоторые авторы рассматривают лишь только первый подход и считают, что право следования распространяется только на ограниченные вещные права.

4. Особый способ защиты своего права собственности также выделяется в качестве признака вещных прав. Собственник защищает свое право с помощью специальных вещно-правовых исков, которые могут быть направлены против неопределенного круга лиц. Данная традиция наблюдалась еще в римском праве, где собственник мог предъявить специальный вещный иск – «*rei vindication*» [6, с. 35]. В настоящее время ГК предусматривает виндикационные, негаторные и иные иски о защите права собственности и иных вещных прав (например, иск о признании права или обременения отсутствующим). Стоит отметить, что в случаях неправильного определения истцом способа защиты своих прав и ссылкой на некорректные нормы (например, истец предъявляет виндикационный иск на нарушение

обязательственных отношений), суд не может отказать в иске по данным основаниям.³ Тем не менее, судья будет применять тот способ защиты, который характерен для данного вида нарушенного права и, соответственно, применять соответствующие правила. Например, если по ст. 461 ГК РФ продавец продал покупателю вещь, которая не принадлежит на праве собственности продавцу и настоящий покупатель изъял данную вещь у покупателя, то необходимо применять вещно-правовые способы защиты (виндикацию), а, например, не реституцию.

5. Еще одной серьезной дискуссией в литературе является вопрос об абсолютной природе вещных прав. Долгое время это был чуть ли не единственный признак вещных прав (по мнению В. Я. Фукса: «вещность – это абсолютность» [22, с. 92]). Абсолютность также толкуется по-разному, а именно как: а) всеобщая пассивная обязанность; б) наиболее широкие возможности осуществления права; в) возможность предъявления иска к любому лицу [22, с. 96–97]. Как видится, единство в понимании указанного признака отсутствует. Также советская доктрина указывала на наличие отношений, которые нельзя с должной уверенностью отнести ни к относительным, ни к абсолютным отношениям [23, с. 31–32]. Также В. К. Райхер приводит пример обязательственного отношения (договора аренды), в рамках которого сторона может пользоваться защитой не только в случаях нарушения со стороны своего контрагента, но и от любого третьего лица, что указывает на абсолютность данных прав (по ст. 170 ГК РСФСР: «Арендатор имеет право на судебную защиту от любого нарушения его владения, в том числе со стороны собственника»).

Признаки вещных прав не являются единственной проблемой теории гражданского права. Часто в цивилистической литературе поднимается и другой вопрос – классификация вещных прав. Отдельные авторы по-разному

³ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 г. № 10/22 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

подходят к данному вопросу, единой классификации с единым критерием так и не было выработано.

В основе традиционной классификации вещных прав лежит деление, предложенное И. А. Покровским, в основе которого выделяется содержание данных вещных прав. Все они делятся на три группы: права пользования чужой вещью, права на получение известной ценности из вещи, права на приобретение известной вещи [24, с. 207].

Дореволюционные цивилисты делили все вещные права на право собственности, владение, право участия и залог [25, с. 7].

Изначально в ГК РСФСР 1922 г. этому вопросу был уделен специальный раздел, и к вещным правам были отнесены право собственности, право застройки и залог [25, с. 9]. Однако в последующем гражданское законодательство пошло по иному пути, вещным правам практически не уделялось какого-либо серьезного внимания. Единственным признаваемым ограниченным вещным правом было право оперативного управления.

На основе статьи 216 ГК РФ можно выделить в качестве классификации вещных прав право собственности и иные вещные права, перечень которых, исходя из данной статьи, не является *numerus clausus*, а может быть продолжен и другими законодательными актами. Например, право пользования имуществом по завещательному отказу (ст. 1137 ГК РФ), право пользования жилым помещением членом семьи собственника помещения (ст. 31 ЖК РФ), право ограниченного пользования земельным участком (ст. 36 ЗК РФ) и многие другие ограниченные вещные права. Однако для всех вещных прав предусмотрен закрытый перечень, потому что виды ограниченных вещных прав может создавать только закон. В этой связи стоит выделить еще один признак вещных прав – императивность их содержания только в законе, в отличии, например, от обязательственных прав, перечень которых неограничен и может вытекать из договоров между лицами [23, с. 96]. Подобное регулирование вещных прав существует и во многих других правопорядках,

однако, специфика закрытого перечня вещных прав обнаруживается во французском гражданском праве, т. к. система передачи прав по Французскому гражданскому кодексу основывается на соглашении сторон (именно посредством договора передается право собственности на объект от одного лица другому). То же самое происходит и с ограниченными вещными правами. Например, право сервитута не только создается договором, но и затем регулируется данным договором. Из этого следует, что договорное право позволяет определить любое содержание права сервитута, что создает некоторую напряженность между нормами вещного права и последствиями такого договора [26, с. 161].

После освещения основных характеристик вещных прав необходимо коснуться вопроса о возможности отнесения вещных прав к числу объектов гражданских прав. Положительный ответ позволяет отчуждать вещные права в отрыве от самой вещи.

Безусловно, существует две точки зрения на данный вопрос. Те, кто относит вещные права к объектам гражданского права, высказывают позицию нормативную (ст. 216 ГК РФ дает возможность отчуждения отдельных вещных прав в отрыве от вещи). К. В. Копылов указывает, что не все вещные права могут выступать в качестве предмета залога (например, право собственности, хозяйственного ведения и оперативного управления), что означает признание автором за некоторыми вещными правами возможности выступать в качестве объектов гражданским прав [27, с. 19–21].

Мы придерживаемся мнения, согласно которому вещные права исключаются из числа объектов гражданских правоотношений. Во-первых, существует право следования субъективного права за вещью (п. 3 ст. 216 ГК РФ). Соответственно, передача вещного права без самой вещи теряет какой-либо смысл. Единственным исключением является отчуждение доли в праве общей долевой собственности.

Таким образом, вещные права представляют из себя достаточно внушительный объем разнородных прав, которые с трудом можно свести в единое

целое. Поэтому в юридической науке не существует единого мнения как в определении этих прав, так и в их классификации. Также и в законодательстве объем вещных прав представляется достаточно размытым, в центре которых находится право собственности, а иные вещные права являются производными от первого. Решение данной проблемы находится в Концепции развития гражданского законодательства, которая, к сожалению, пока не была реализована.

Обязательственные права

Предметом исследования данной работы являются имущественные права, а применительно к данной главе – обязательственные права. Однако необходимо дать общую характеристику обязательственным отношениям (что и предпринимало большинство ученых в данной области), т. к. зачастую осуществление субъективного права невозможно без содействия обязанного лица (что отличает данную группу отношений от отношений вещных, где активного участия третьих лиц не требуется).

Представляется важным сначала определить значение центрального понятия данной темы – обязательства. Римляне рассматривали понятие «obligatio» как отношение или как пассивную и активную сторону данных отношений [23, с. 16]. Уже Г. Ф. Шершеневич видел в нем несколько основных значений: а) правоотношения между лицами; б) обязанности должника; в) право кредитора; г) юридический акт, удостоверяющий данные отношения [20, с. 265]. В. А. Белов также указывает на данные значения, добавляя к ним понимание обязательств как оснований возникновения отношений (например, договор) или же употребление данного понятия с целью указания вообще на всякое относительное правоотношение [28, с. 24].

Отмечается, что обязательство и обязательственные правоотношения стоит приравнять по своему значению [29, с. 6]. Необходимо обратиться к наиболее широкому значению понятия обязательства (обязательству как правоотношению) и выделить его основные черты.

Во-первых, основной функцией обязательства является обмен (по О. С. Иоффе – перемещение) имущества и иных результатов труда для удовлетворения потребностей (производительных и личных) [30, с. 4].

Во-вторых, обязательства обычно носят имущественный характер, что отделяет их от отношений личного неимущественного характера. Данный тезис является спорным в литературе. Например, И. Б. Новицкий указывает на существование и неимущественных отношений, но приводя в пример, по мнению Ф. И. Гавзе, не гражданско-правовой случай. Тем не менее, представляется, что обязательства все же являются имущественными, так как опосредуют процесс перемещения имущества. В. А. Белов указывает, что обязательственные отношения скорее являются имущественными, но, исходя из законодательного закрепления, возможно существование и неимущественного содержания данных правоотношений. Однако это имущественное содержание не означает возмездность данных отношений, существуют отношения и безвозмездные.

В-третьих, как уже было сказано, обязательства являются правоотношениями относительными, так как предполагают перемещение имущества и выполнение иных действий или воздержание от таковых между конкретными лицами, а не между всеми третьими лицами. Стоит отметить, что обязательства не занимают всю область относительных правоотношений. Вместе с ними туда входят, например, корпоративные отношения, секундарные права и т. п.

В-четвертых, в отличие от вещных правоотношений, где главным является право на собственные действия со стороны, например, собственника вещи, в обязательственных отношениях на первый план выходит право требования определенных действий от обязанного лица [23, с. 20]. Поэтому субъективное право кредитора в обязательстве именуется правом требования, а обязанность должника – долгом.

Таким образом, за основу можно взять данное М. М. Агарковым определение обязательству, под которым он понимал относительное правоотношение, в силу которого одно лицо (несколько лиц) имеют право требовать от другого лица (нескольких лиц) совершения определенного действия либо воздержания от совершения какого-либо действия [23, с. 21]. Существенных отличий от законодательного закрепления обязательства по ст. 307 ГК РФ не наблюдается. В анализе определений М. М. Агаркова, Гражданского кодекса РФ и, например, Проекта Гражданского уложения можно проследить три возможных варианта формулирования указанного определения: а) определение обязательства через права требования (М. М. Агарков); б) определение через долг, совершения действий обязанной стороной (Проект Гражданского уложения) [31, с. 250]; в) взаимодействие кредитора и должника (ст. 307 ГК РФ).

Содержанием обязательств является право требования и долг (корреспондирующая обязанность). Обязательственное право (в субъективном смысле) – субъективное гражданское право, состоящее из возможности его обладателя (кредитора) требовать от другого лица (должника) совершения или воздержания от совершения определенного действия (исполнения обязанности) [28, с. 21]. Характеристики обязательственного права следуют из сущности самого обязательства. Во-первых, обязательственное право является относительным субъективным правом, нарушителем которого может быть только индивидуально-определенная обязанная сторона. Во-вторых, обязанность, противопоставленная обязательственному праву, носит активный характер и заключается в выполнении каких-либо активных действий в пользу кредитора либо в воздержании от таких действий. Данное положение часто фигурировало в работах по обязательственному праву и подвергалось критике, в которой так и не нашлось убедительных аргументов в пользу существования исключительно положительных действий у обязанной стороны, что нашло отражение в законодательном закреплении

понятия обязательства. В-третьих, как правило, устанавливается на определенный срок с целью своего прекращения (чем отличается от вещных прав).

Наиболее разработанная структура обязательственных отношений находит свое отражение в Германии. В германском правопорядке наиболее детально разработаны виды обязательств. Например, существуют обязанности по предоставлению (*Leistungspflicht*), которые в нашем понимании называются «долгом». Эти обязанности корреспондируются правам требования (*Forderung*) [32, с. 243–245]. Наряду с данными обязанностями существуют должностования, охранительные обязанности и другие понятия, которые в терминологии ГК РФ включаются в понятие «обязательство» и «обязанность».

Важно также определить, какие обязательственные права могут выступать объектом правоотношений. В настоящее время возможно отчуждение, залог, доверительное управление обязательственными правами. Однако существуют определенные ограничения. Например, запрещен переход прав, тесно связанных с личностью кредитора (требования об алиментах, возмещении вреда и т. п. по ст. 383 ГК РФ).

Таким образом, обязательственные права являются одним из видов объектов гражданских правоотношений. Можно присоединиться к высказыванию Р. Иеринга: «Обязательство функционирует в обороте нового времени совершенно так же, как в обороте старого времени функционирует вещь» [5, с. 62]. Хотя нельзя отрицать, что вещь и обязательственное право отличаются по своему правовому режиму.

Исключительные права

Регулирование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации началось относительно недавно – менее чем 200 лет назад [33, с. 68]. Хотя теоретическое осмысление началось гораздо раньше.

Для понимания такого имущественного права как исключительное право необходимо для начала определиться с понятиями. В литературе

встречаются такие понятия как «интеллектуальная собственность», «интеллектуальные права», «права на интеллектуальную собственность», «исключительные права».

Соотношение данных понятий представляет из себя серьезную проблему, которая так до конца и не получила разрешение среди ученых.

Понятие «интеллектуальная собственность» появляется в трудах ученых начиная с XVIII века, но «официальное» закрепление получает в Стокгольмской конвенции об учреждении ВОИС, в котором интеллектуальная собственность понимается как право на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (литературные, художественные и научные произведения, исполнительская деятельность артистов, звукозапись, радио- и телевизионные передачи, изобретения во всех областях человеческой деятельности и т. п.) [34, с. 12]. Некоторые авторы указывают на неразрывную связь слов в данном словосочетании. Интеллектуальная собственность не идентична праву собственности и не является каким-то частным случаем, а представляет из себя отдельный феномен [34, с. 20–24] (сравнение с правом собственности см. ниже).

Исходя из ст. 1125 ГК РФ⁴ можно сделать вывод о том, что законодатель пошел по иному пути и в качестве интеллектуальной собственности отнес результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а не права на них⁵. Многие авторы видят в этом нарушение норм международного права и указывают на необходимость корректировки гражданского законодательства.

Словосочетание «интеллектуальные права» применяется лишь в целях выделения совокупности прав на данную интеллектуальную собственность.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

5 О некоторых вопросах, возникающих в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 г. № 5/29 // Российская газета. 2009. № 70.

По мысли А. Л. Маковского, данный термин не несет в себе нечто глубинное, а существует в целях обобщения совокупности прав [35, с. 65–70]. Исходя из ст. 1226 ГК РФ, к интеллектуальным правам относятся исключительные права (имущественные права), личные неимущественные права и иные права. Соответственно, исключительные и интеллектуальные права относятся как общее и частное. Данное понятие было предложено Виктором Абрамовичем Дозорцевым. Хотя по мнению Ю. К. Толстого, четких критериев вычленения исключительных прав из системы гражданских прав, в том числе и интеллектуальных прав, пока еще никто не предложил [33, с. 73].

Таким образом, под исключительными правами можно понимать субъективное гражданское право, содержанием которого является юридически обеспеченная возможность управомоченного лица осуществлять абсолютное фактическое и непосредственное господство над результатом творческой деятельности [28, с. 48]. Из ст. 128 ГК РФ можно проследить выделение исключительных прав в особую группу, исключение из состава имущества. Тем не менее, на основе выделенных признаков они могут быть отнесены к имущественным правам. Хотя данная группа прав имеет собственные специфические характеристики.

Спецификой исключительных прав является нематериальный характер объекта, в отношении которого данные права появляются. Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации представляют из себя нечто идеальное и неотделимое от автора данных объектов. Даже если появляется какой-либо материальный объект (вещь), то автор данных объектов все равно остается «собственником». Р. Дюма писал, что личность, помимо права собственности, создает также и право личности (неимущественное право), что позволяет сделать вывод о смешанной природе авторских прав [34, с. 78].

Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации не могут отчуждаться, т.е. не могут участвовать в гражданском обороте.

Вместо них передаваться могут исключительные права на данные объекты (п. 4 ст. 129 ГК РФ). Хотя некоторые авторы указывают, что, так или иначе, исключительные права все равно сохраняют связь с личностью авторов, и в целях защиты прав авторов существует необходимость ограничения данных прав [36, с. 23].

Исключительное право является правом абсолютным, что означает обязанность всех лиц признавать данные права и воздерживаться от посягательства на них, а иск для защиты своих прав можно подать против каждого (любого), кто нарушает данное право. С данным признаком также связан признак исключительности этих прав, что означает возможность использование данных объектов либо самим правообладателем, либо с его разрешения. Поэтому исключительное право также направлено на защиту имущественных интересов правообладателей. Его основная цель – обеспечить указанным лицам право на получение вознаграждения и иного дохода (использование таких прав без согласия правообладателя незаконно и влечет юридическую ответственность, согласно п. 1 ст. 1229 ГК РФ). Например, Кодекс интеллектуальной собственности Франции содержит норму, согласно которой автор пользуется в течение своей жизни исключительным правом использовать свое произведение в любой форме и получать от этого имущественную выгоду [37, с. 67].

Также у исключительных прав есть особое содержание, в которое входит право использования и право распоряжения. Право использования в любом случае принадлежит лицу, создавшему определенный объект интеллектуальных прав. Закон не знает иных случаев. В. А. Дозорцев определяет его значение в возможности правообладателя монопольно совершать действия по коммерческой эксплуатации объекта, приносящие имущественные выгоды [38, с. 410]. Другое правомочие – право распоряжения – не направлено на сами результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, так как, исходя из сказанного, данные объекты в любом случае

принадлежат субъектам их создавшим. Поэтому данное правомочие направлено только на само исключительное право, благодаря чему и обеспечивается введение исключительного права в оборот, хотя оно и может быть ограничено или вообще отсутствовать в указанных законом случаях, но это положение не лишает правообладателя возможности реализовывать свое исключительное право. Также закон допускает передачу исключительных прав по иным основаниям (наследование, реорганизация и т. п.).

Таким образом, исключительные права являются видом имущественных прав и могут рассматриваться в качестве объекта гражданских прав, хотя стоит признать наличие у данного вида прав серьезных отличий от классического деления на права вещные и обязательственные.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Ценность частного права: памяти проф. А. А. Смолина // Правоведение. 1992. № 2. С. 31–48.
2. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – 340 с.
3. Иоффе О. С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. – Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1949. – 144 с.
4. Бевзенко Р. С. Объекты гражданских правоотношений. – М.: ВШЭ, 2010. – 72 с.
5. Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. – М.: Ось-89, 2005. – 238 с.
6. Новицкий И. Б. Римское право. 6-е изд., стер. – М., 1997. – 245 с.
7. Иоффе О. С. Советское гражданское право. – М.: Юрид. лит., 1967. – 494 с.
8. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 847 с.

9. Белов В. А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики. – М., 2009. – 960 с.
10. Grimm Д. Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. – М., 2007, № 1: Т. 7. С. 197–239.
11. Мейер Д. И. Русское гражданское право. 3-е изд., испр., стер. – М.: Статут, 2003. – 831 с.
12. Суханов Е. А. Российское гражданское право. Общая часть: 4-е изд., – М.: Статут, 2015. – 958 с.
13. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2003. – 782 с.
14. Толстой Ю. К. К теории правоотношений. – Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1959. – 88 с.
15. Ровный В. В. Проблемы объекта в гражданском праве: учебное пособие. – Иркутск: Изд. ИГУ, 1998. – 112 с.
16. Jakutytė-Sungailienė A. The system of objects of civil rights: problem of concepts. *Mykolas Romeris*. 2012. – P. 143–157.
17. Васильев Е. А., Зайцева В. В., Костин А. А. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 560 с.
18. Лысенко А. Н. «Бестелесные вещи» в гражданском праве: подходы к определению содержания. Самара. 2002. URL: <https://hr-portal.ru/article/bestelesnye-veshchi-v-grazhdanskom-prave-podhody-k-opredeleniyu-soderzhaniya> (дата обращения 16.09.2019 г.).
19. Саватье Р. Теория обязательств: юридический и экономический очерк. – М.: Прогресс, 1972. – 440 с.
20. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. – М.: Фирма «Спарк», 1995. – 556 с.
21. Шапп Я. Система германского гражданского права. – М.: Междунар. отношения, 2006. – 360 с.

22. Синицин С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. ... докт.юр.наук: 12.00.03. – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2017. – 604 с.
23. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
24. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М., 2001. – 354 с.
25. Ахметьянова З. А. Вещное право. – Казань: Казанский университет 2010. – 64 с.
26. Akkermans B. The Principle of Numerus Clausus in European Property Law. – Oxford, 2008. – 657 p.
27. Копылов К. В. Залоговое обязательство в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис..канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 199 с.
28. Белов В. А. Гражданское право. Т. 4. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2014. – 1085 с.
29. Гавзе Ф. И. Обязательственное право (общие положения). – Минск: Издательство БГУ им, В. И. Ленина, 1968. – 126 с.
30. Иоффе О. С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
31. Бевзенко Р. С., Хохлов В. А. Проект Гражданского уложения. – Тольятти, 2006. – 1092 с.
32. Егоров А. В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. №3. С. 241–274.
33. Дозорцев В. А. Понятие исключительного права // Юридический мир. 2000. №3. С. 65–87.
34. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность:

- некоторые аспекты правового регулирования: монография. – М.: Норма-инфра-М, 2014. – 128 с.
35. Маковский А. Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права: сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. В. А. Дозорцева. – М.: Статут, 2008, С. 56–71.
36. Калятин В. О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): учебник для вузов / Вступ. ст. В. А. Дозорцева. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 459 с.
37. Кодекс интеллектуальной собственности Франции / пер. и коммент. Г. И. Тыцкой. – М.: ВНИИПИ, 1997. – 136 с.
38. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. Исследовательский центр частного права. – М.: Статут, 2003. – 416 с.